

Исламизм и невежество

Как отрицание исламистской идеологии способствует террору

В условиях быстрого распространения экстремизма, радикализации мусульманства и антимусульманского фанатизма мусульмане неспособны просто заявить: «это не наша вина».

Разумеется, все не так просто. Причины экстремизма сложны, и если мы питаем какую-либо надежду вернуться к терпимости, решения должны быть настолько же сложными. Но просто отрицая существование кризиса, мы мгновенно прерываем процесс решения проблем. Это в свою очередь порождает порочный круг экстремизма, уязвимости, антагонизма и фанатизма.

Кажется, что возмущение вспыхивает каждый раз, когда предпринимается попытка начать осмысленный разговор на эту тему. Это указывает на то, насколько остро значительная часть западного общества стала зависима от привычки скрывать и отодвигать на задний план важную информацию во имя политической корректности. Эта часть общества, которую я назвал «регрессивными левыми», отрицает, что проблема существует. Она также побуждает других присоединиться, одновременно угрожая навесить на тех, кто выступает против этого ограниченного видения, ярлык «исламофобов».

Ничто не подтверждает это явление лучше, чем тот факт, что я — мусульманин, который основал Quilliam, первую в мире контрэкстремистскую организацию, — получил прозвище «антимусульманский экстремист» от Южного центра правовой защиты бедноты, организации, известной деятельностью в области по защите прав человека. И это лишь потому, что я осмеливаюсь утверждать, что последователи ислама должны противостоять извращению своей веры. В условиях все более нестабильного мира, когда насущные проблемы требуют неотложных решений, это бессмысленное подавление обсуждения проблемы только усугубит кризис.

Чем «исламское» отличается от «исламистского»

В первую очередь проблема возникает, когда люди отказываются тратить время на правильное осознание проблемы и вместо этого предпочитают делать преждевременные выводы и вешать ярлыки. Например, мусульмане часто воспринимают подробное рассмотрение исламистской идеологии как личное нападение на свою веру. На самом деле это вовсе не так. «Исламистское» сильно отличается от «исламского» тем, что второе является оценочным суждением. «Исламское» означает, что что-то одобряется исламом, тогда как «исламизм» — это политическая идеология, которая стремится навязать обществу какую-либо версию ислама.

Иными словами, исламизм — это форма теократии. Ее жестоким проявлением служит глобальное джихадистское мятежничество. Если мы не можем говорить о проблеме точными и правильными словами, мы не сможем сделать первый шаг к решению стоящей перед нами идеологической задачи. Пока любая критика ислама или мусульман остается за пределами приемлемого общественного диалога, мы не сможем изолировать экстремистов от основных мусульманских общин.

Что произойдет, если мы не будем выделять исламистскую идеологию и отличать ее от ислама? Президент США Барак Обама в своем выступлении в 2015 году на Генеральной Ассамблее ООН сослался на приверженцев ИГИЛ в качестве последователей «ядовитой идеологии», но он не дал ей имени как таковой.

Первая проблема здесь заключается в том, что идеология получает неоправданный вес и огромную значимость. Это происходит потому, что вокруг идеологии возрастает истерия, и при этом даже никто не пытается объяснить, что она влечет за собой. Я называю это «эффектом Волан-де-Морта» в честь главного злодея серии романов о Гарри Поттере.

Во-вторых, когда вы отказываетесь развивать поднятую тему, вы позволяете аудитории заполнять пробелы самостоятельно. Большинство людей, которые, по понятным причинам, ищут руководства в таких вопросах, вполне могут предположить, что тем, что они должны оспаривать, является ислам и все мусульмане — отсюда рост ксенофобских тенденций в Европе, США и других западных странах.

Опасности политкорректности

Вот еще один пример необъяснимого стремления левых изолировать ислам от публичного диалога: абсурдная недавняя тенденция поощрения использования слова «Daesh» вместо «ИГИЛ» для обозначения Исламского государства. Либералы часто предполагают, что этот термин более мягкий для ушей мусульман, поскольку «Daesh» не содержит слова «ислам», но это неверно. «Daesh» – это просто точное арабское соответствие аббревиатуры «ИГИЛ»: в ней содержится слово «ислам» на арабском языке. Это определенным образом объясняет, как общество страдает от неосведомленной глупости из-за страха «обидеть ислам».

Вышесказанное подводит меня к термину «исламофобия», часто используемому – даже против таких же мусульман, как я, – как щит против любой критики и намордник, который цепляют на свободу слова. Ни одна идея, независимо от того, насколько глубоко она укреплена, не должна иметь особый статус: всегда будет существовать столь же глубоко укоренившаяся вера в противодействие ей. Мы должны осуждать ненависть, нацеленную отдельно на мусульман; тем не менее путать эту ненависть с сатиризацией, сомнением, исследованием, реформированием, контекстуализацией или историзацией ислама – или любой другой веры или догмы – такая же «хорошая» идея, как вернуться к инквизиции итальянского астронома Галилея в XVI веке.

Свобода слова □ моральное обязательство

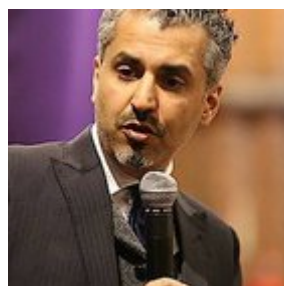
Наша свобода говорить – это наша свобода мыслить, и наша свобода мысли представляет нашу способность создавать, внедрять новшества и развиваться. Нельзя убить идею, но, конечно, можно убить человека, выразившего ее. Если свобода вообще означает что-либо, то это право выражать себя, не ставя под угрозу свою жизнь. Поэтому любой либерал, искренне волнующийся о справедливом обществе, должен быть первым, кто открыто будет защищать свободу слова от разрушения, особенно когда оно обманчиво совершается во имя меньшинств.

Между тем наши политические лидеры неизменно пытаются ограничить определение проблемы тем, какая из джихадистских групп вызывает у них самую большую головную боль в данный момент. При этом они игнорируют тот факт, что все эти группы рождаются из одной и той же исламистской идеологии.

Прежде чем возникло Исламское государство, Государственный департамент США описал эту проблему как «"Аль-Каида" вдохновила экстремизм», даже несмотря на то, что это была не «Аль-Каида». Точнее будет сказать, что исламский экстремизм вдохновил «Аль-Каиду». Исламское государство также не радикализовало этих 6 тыс. европейских мусульман, которые путешествовали, чтобы присоединиться к ним, или тысячи доморощенных сторонников, о которых сейчас французы и англичане говорят, что они под их контролем. Это не могло произойти в одночасье и возникнуть из ничего – исламская государственная пропаганда хороша, но не настолько.

По правде говоря, десятилетия исламистской пропаганды в общинах уже зарядили этих молодых мусульман стремлением к теократическому халифату. Согласно опросу, каждый третий британский мусульманин выразил желание воскресить халифат. Исламское государство просто сорвало низко висящие плоды, которые давно были посеяны различными исламистскими группами.

Любое возвращение к исходным взглядам потребует десятилетий сопротивления общин. Однако мы не в состоянии даже приступить к этому, пока не признаем проблему тем, чем она является. Для этого понадобится прервать нашу тенденцию успокаивать, запутывать, говорить на разных языках и ходить на цыпочках вокруг проблемы во имя политической корректности. И в то время как наши соотечественники-мусульмане требуют нашего сострадания, а ислам нуждается в реформе сегодня, с исламом необходимо покончить в интеллектуальном ключе. В долгосрочной перспективе – это единственный способ обрезать крылья этому полностью дискредитированному глобальному повстанческому движению джихадистов.

Мааджид Наваз

Лондон

Мааджид Наваз (Maajid Nawaz) является автором и основателем

Quilliam International, глобальной организации, занимающейся вопросами интеграции, гражданства и самобытности, религиозной свободы, иммиграции, экстремизма и терроризма. Он имеет степень бакалавра (с отличием) факультетов арабского языка и права Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета, а также степень магистра политической теории Лондонской школы экономики.

